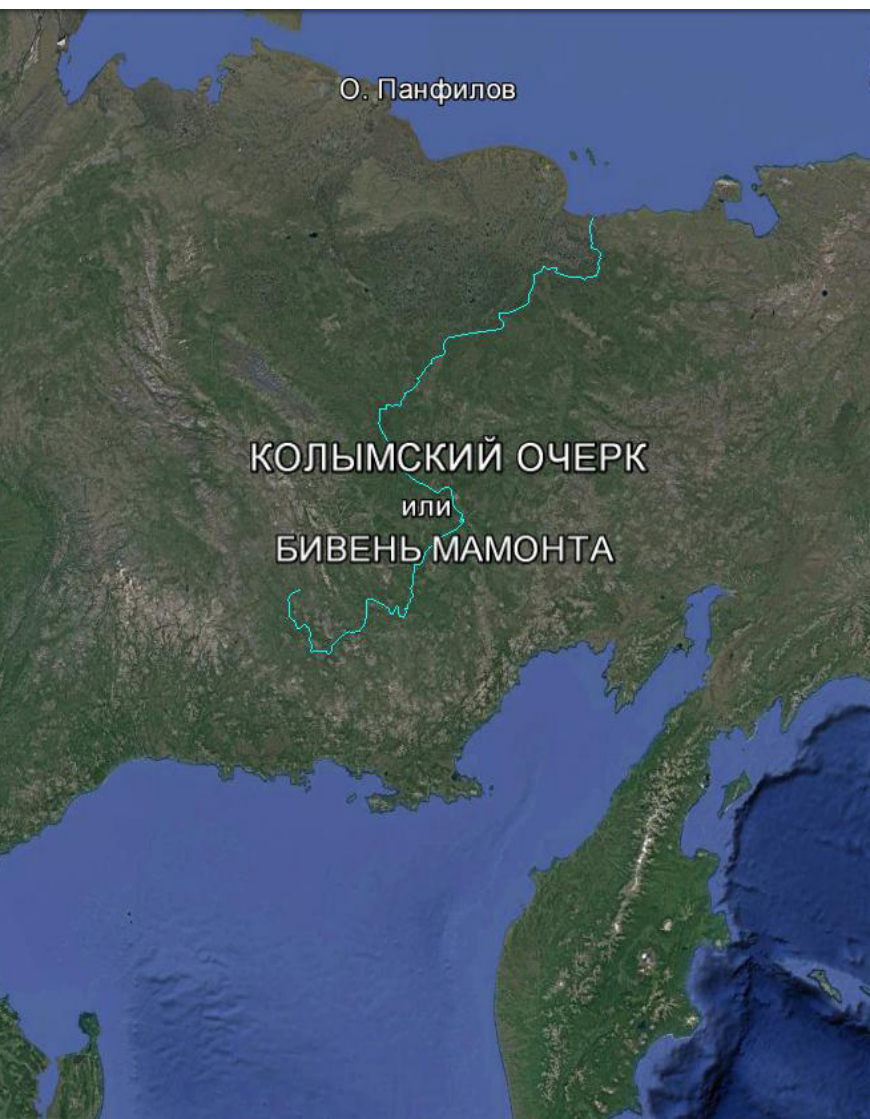

О. Панфилов

КОЛЫМСКИЙ ОЧЕРК
или
БИВЕНЬ МАМОНТА

Олег Васильевич Панфилов Колымский очерк, или Бивень мамонта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25452180

Аннотация

Взгляд на Колыму середины восьмидесятых глазами старателя приехавшего сюда за удачей. Жанр повествования неоднозначен. Кого-то заинтересует историческая сторона сюжета, кого-то – познавательная или приключенческая. Быть может, кто-то усмотрит здесь социально-политическую подоплеку.

История началась в феврале 1985 года с предложения работы в старательской артели. Понятно, что предложение, возбуждавшее профессиональный интерес и романтизм и, более того, привлекавшее перспективой фантастического по тем временам заработка, было с энтузиазмом принято. В состоянии эйфории, как в тумане, в срочном порядке уладив дела, вылетел в Магадан. Привел в чувство прогноз погоды на 1-е марта – 47° С. После чего, «Пионерская Зорька» поздравила местных ребятишек с приходом Весны на Колыму.

Понимание реальности происходящего появилось после интервью с руководством прииска, к которому была приписана артель моего назначения. Просветили относительно всех «прелестей» и рисков старательской жизни и напротив преимуществ работы на государственном прииске. Объяснили, что, с моей биографией, негоже становиться на сомнительный путь. Куда лучше принять их предложение, которое было действительно заманчивым: хорошая позиция, ведомственная квартира, подъемные на переезд семьи, перспектива служебного роста и северные надбавки, которых у старателей не было – отсюда и поговорка: «20 лет на Колыме, вся ж... в шрамах и не одной надбавки». Психологический пресинг был мощнейшим.

По прибытию на место, прежде всего, был ознакомлен с

местной достопримечательностью. Каждая артель имеет какую-нибудь. В артели им. XXIII Партсъезда, в которой я оказался, таковой был огромный старый медведь, регулярно посещавший артельную помойку, что само по себе, чем то особенным не являлось. Достопримечательность же заключалось в том, что каждое утро вместе с помоями выносилось две банки сгущенки, а приходивший вслед за этим медведь вскрывал эти банки, сплющивая и протыкая их, то ли когтями, то ли зубами. При этом ни капли сгущенки, ни в банках, ни вне их, не оставалось, а сами банки укладывались им в кучу, к моему приезду, достигшую полуметровой вышины и изрядно проржавевшую. Сам же медведь считался если не домашним, то вполне безобидным, в чем я пару месяцев спустя и убедился, встретившись с ним нос к носу в тайге. Его следы на мху были абсолютно свежие и обрывались на тропе, уходя в заросли. Возвращаясь через день я увидел тот же след, но уже продолжавшийся с того места, где он раньше обрывался. Судя по следам, медведь пережидал в зарослях в пяти метрах от тропы пока я пройду.

Знакомство началось с фразы, которая врезалась в память: «Эй, геолог, если мы не выполним план по золоту, мы тебя повесим». Посмеялись. Смысл стал понятен позже. В геологических партиях, где я работал прежде, сезонный контингент был пестрый и случайный. Тяжелая, малооплачиваемая, вдали от цивилизации работа была непривлекательна. К

нам шли: молодежь романтического склада, неопределившаяся со специальностью; неустроенные по жизни, часто бросившие свои семьи люди; отбывшие наказание преступники и все те, кто имел проблемы с трудоустройством в других местах. Вот приблизительно такого состава артель я и ожидал увидеть. Здесь же контингент был отнюдь не случайным. Сюда ехали сильные, уверенные в себе люди с четкой целью и прекрасно знающие, что им предстоит для ее достижения. И отнюдь не ради романтики они оставляли свою работу и семьи на долгие месяцы и годы, полагаясь на прочность своих тылов и верность жен. Они знали про «сухой закон», работу без выходных по 12-16 часов в сутки, жесткую дисциплину, часто принимающую уродливые формы вплоть до самодурства, что особенно было трудно перетерпеть. А также они прекрасно понимали, что результат их работы имеет вероятностный характер, зависящий не только от интенсивности их труда, но и от вклада геолога. Ехали, главным образом, с Украины, Молдовы, Центральных областей России, Северного Кавказа – с густонаселенных мест с ограниченными возможностями заработка. Вот этот контингент, работавший в течение 1-2, редко нескольких сезонов, и составлял ударную силу сезонных артелей.

Особую категорию, около 10%, составляли постоянные обитатели артели, получившие в ней бессрочную прописку. Эти имели устоявшиеся прозвища и поначалу производили

эффектное впечатление на вновь прибывших. Жили они по понятиям, но для нужд артели были практически бесполезны в силу надорванного здоровья и устоявшегося бытия, не предполагавшего какого-либо напряжения. Обстоятельства же их постоянного обитания в артели были разные. Для одних все начиналось с неудачного сезона и намерения остаться и взять свое на следующий сезон, что часто заканчивалось разрывом с семьей. Других не дождалась жены. Третьи не устояли против соблазнов на пути домой, и вернулись в семьи с пустыми карманами, что имело соответствующие последствия. Видимо в силу бытия определяющего сознание, они, как правило, были суетливы, болтливы и даже надоедливы. Их рассуждения о возвращении с чемоданом денег в давно забытые семьи или о том, как будет хорошо в Сочах, по окончании сезона, обычно заканчивались в злчных местах ближайшего прииска, редко – в ресторанах роскошного города Магадана. Тем же из них, кому все же удавалось достичь Материка, из сострадания, высылались деньги на обратную дорогу в артель.

Все было подчинено одному – выполнению плана по золоту. И эта цель требовала устранения любых препятствий, основным из которых были бюрократические процедуры, которые на Колыме того времени были минимизированы до предела. Так проверяя мой отчет, составленный в соответствии с предписанными канонами, главный геолог прииска

им. Горького, к которому была приписана наша артель, поставил на нем жирный крест, доходчиво объяснив при этом, что отчет должен максимально отражать реальность. А реальность такова, что к содержаниям золота в шурфе, пройденном в 37 году, следует применять повышающий коэффициент 2.5. Потому что геологи в то время приблизительно на этот порядок занижали содержания золота, поскольку, в случае его неотхода при добычи, автоматически меняли свой привилегированный статус на тот, которому вменялось возить тачки и долбить мерзлоту пополняя калории ржавой седелкой. Оказывается скважинам, пробуренным в 60-х можно верить на сто процентов, а вот к пробуренным после 78 года следует напротив применять понижающий коэффициент 0.8, поскольку с этого года была введена система прогрессивного премирования за прирост запасов. Ну, где еще и какими нормами можно было регламентировать такой подход, а ведь он был единственно верным и у нас принимался безусловно. Вся процедура получения разрешения на добычу занимала полдня. На моей прежней работе на это уходил год.

Интересно, что интеллектуальная/бумажная составляющая моей работы, старателями, включая председателя, как работа вообще не воспринималась. И поскольку связанные с ней поездки на прииск воспринимались как неизбежная роскошь, то одновременно мне вменялось выполнять массу

действительно полезных дел, как то: сдать и забрать белье из прачечной, получить продукты со склада и т.д. Однажды, получая продукты со склада, заметив в накладной пункт – «мясо кенгуру», я сделал замечание кладовщице относительно неуместности употребления в официальном документе подобного сленга и попросил заменить его на соответствующую формулировку – «австралийская баранина». Действительно мы получали замороженное австралийское мясо в больших мешках с австралийской эмблемой в виде головы кенгуру. И если говорили на обед сегодня медведь, я знал что будет медвежатина, но под кенгуру я однозначно полагал австралийскую баранину. И только кладовщица просветила меня в том, что полгода я ел мясо кенгуру, не подозревая об этом. Много лет спустя, мой австралийский коллега, предлагая мне сделать выбор между мясом крокодила и кенгуру, был удивлен моим выбором в пользу крокодила, поскольку мясо кенгуру считалось более эксклюзивным и деликатесным. И моя мотивация стала ему понятна лишь после того, как я рассказал ему эту историю и объяснил, что кенгурятина составляла основную часть моего мясного рациона в течение десяти месяцев.

Работы имели сезонный характер. К зиме артели сжимались до минимума достаточного для проведения ремонтных и вскрышных работ, которым полярная ночь не препятствовала. А к началу промсезона артели многократно разраста-

лись за счет притока сезонных старателей. Короткий промысловый сезон, требовал от сезонного контингента мгновенной адаптации. Драгоценное время использовалось по максимуму, а необходимые профессиональные навыки приобретались походу. Сильные, мобилизовались и становились еще сильнее; слабые уезжали, но таких было единицы. Работы не боялись – ехали, в основном, трудяги. Обходились без женщин, поскольку жили безвылазно в тайге; о нетрадиционных отношениях я не слышал. К погоде приспособлялись. Бывало, в лютые морозы, преодолевали большие расстояния по заносам в балках на полозьях, часами играя в карты или шахматы (тут уж по интересам) и попивая крепчайший чай или водочку, которая по окончании промсезана не возбранялась. Радиатор бульдозера, тащившего балок, выводился за спинку и под сидение бульдозериста, обеспечивая комфорт в кабине. Так можно было путешествовать неделями, была бы соляра и продукты, а дров для отопления балка в тайге хватало.

Поначалу необычно воспринималось противопоставление Колымы Большой Земле или Материку, поскольку материковистость Колымы, в прямом смысле, у меня сомнений не вызывала, а размеры впечатлили сразу по прибытию. Работа здесь, которой пугали, была для меня в радость, возможно в силу моего особенного положения. Я не припомню природных сюрпризов, шквалов, внезапно налетавших ура-

ганов, с корнем вырывающих деревья. Если холодало, то постепенно, если собирался дождь, то это было видно заранее. Физически было легко. Прихватив ружье, булку хлеба и пару банок консервов, уходил в одиночные 2-3-дневные маршруты, не заботясь о ночлеге. Когда предстояло много работы, не брал с собой ружья, чтобы не отягощало – было безопасно. Работай хоть 24 часа в сутки – светло. Хочешь спать – ложись на нагретый солнцем галечник в продуваемом месте, чтобы не доставали комары и мошка. Кругом чистой вода, грибы, ягоды, живность; а вот обилием рыбы наши ручьи почему-то не отличались. Очутившись где-нибудь на отдаленном дремучем ключе, чувствовал себя первопроходцем. Впрочем, эти иллюзии тотчас же исчезали, когда случилось в самых неожиданных местах натолкнуться на проржавевшие лопаты, кайла, тачки или остатки истлевшей одежды. Да это был рай по сравнению с Бетпак-Далой, где я работал прежде. Где на сто верст ни воды, ни жилья. Где солнце палит, к концу дня не оставляя влаги и на каплю пота, и думаешь – прикончить фляжку сразу или мучить себя глотками целый день. В наследство от пустыни, так и осталась привычка осматривать каждый камень, прежде чем сесть на него или поднять, над которой смеялись старатели, не знавшие, что такое змея в спальнике или палатка кишашая скорпионами и фалангами.

Своим успехом артель была обязана председателю – осе-

тину, в котором странным образом, уживались крайние формы деспотизма и обостренное чувство справедливости. Он жесточайшим образом подавлял малейшие поползновения на свой авторитет, которые случались в периоды критически низкой добычи металла. Зачинщики наказывались (иногда физически) и изгонялись из артели. Необходимость же такой жестокости аргументировалась фразой: «Я хочу, чтобы вы заработали». Все понимали – либо демократическая буза, либо заработок – без вариантов. Его внутренний мир, как и маленький аккуратный балок в котором он жил, были табу для всех без исключения. Однажды кто-то, в издевку над его характером и акцентом, написал краской на его двери: «Нэ постучи. Дэло будэш имэть с пинкой». Все ждали бешеной реакции. Он же оставил надпись без изменений, лишь добавил в конце ее жирный восклицательный знак. Авторитету председателя добавляло и то, что в отличие от председателей других артелей, задиравших свой заработок на порядок выше заработка простого старателя, он минимизировал этот разрыв для себя до смехотворного минимума. Тем самым, минимизировав разрядные разрывы остальных старателей, измерявшиеся в коэффициентах трудового участия к трудодню. А они у нас были следующими:

Председатель – 1.5

Заместитель по режиму – 1.3

Механик – 1.2

Геолог – 1.2

Начальники участков – 1.2

Операторы тяжелых бульдозеров – 1.2

Бульдозеристы -1.1

Прочие артельщики – 1.0

Повара – 0.8

Особую категорию составляли операторы катерпиллеров и комацу, арендованных у прииска и, казавшихся слонами, на фоне наших мосек – соток. Эти гигантские бульдозеры, покупавшиеся за валюту, требовали к себе особого отношения и потому к работе на них допускались лишь партийные, проверенные, прошедшие специальную подготовку специалисты. Вот такой странный симбиоз первобытных отношений, примитивных и передовых технологий определял сущность нашей артели.

Примечательно, что в то время население Колымского края, так или иначе связанное с золотом, в быту старалось дистанцироваться от него. Я не видел местных колымчан с золотыми зубами, не припомню и носивших золотые украшения. Непонятно чего здесь было больше – то ли боязни бросить тень подозрения (ведь порядки Дальстроя были еще свежи в памяти), то ли понимания несурзости подобного щегольства в данных условиях. А может быть, причина заключалась в изошрённой системе надзора интегрированной не только в индустрию золотодобычи, но и в само бытие зо-

лотодобытчиков, включая наушничество. Никто, из тех, кого я знал, не подвергался досмотру или специальному вниманию. При этом существовала особая психологическая атмосфера, попав в которую, у большинства через 2-3 месяца исчезало желание воспользоваться случаем. Эта атмосфера, в соответствующей обстановке, нагнеталась (непроизвольно, а быть может намерено) всяческими слухами и доверительными рассказами, в реальность которых трудно было поверить. Тем не менее, под их впечатлением, работая один на отдаленном участке, я ощущал на себе зоркий взгляд КГБшника, наблюдающего за мной в бинокль с соседнего холма или осторожно придвигал ружье, чувствуя присутствие за спиной (по которой пробегали мурашки) «хищников» (так мы называли диких старателей), встреча с которыми не сулила ничего хорошего. Собираясь же домой на Материк, я тщательно осматривал вещи и карманы чтобы в них не оказался песок, подброшенный недоброжелателями, чтобы меня подставить. Хищники мне так и не повстречались, а в аэропорту Магадана моих карманов никто не выворачивал. Зато этих самых «хищников» и их схроны я встречал много позже и неоднократно, но уже в постсоветское время и не на Колыме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.